

УДК 342.7:341.231.145

Защита конституционных прав субъектов оппозиционной деятельности в судебном порядке в России и за рубежом

Н.В. Кузьминых,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и зарубежного права
Российского государственного социального университета
Россия, Москва
ombuds@yandex.ru

Конституции практически всех зарубежных государств рассматривают права и свободы человека и гражданина как доминирующий принцип правового государства. В то же время правовой анализ конституционных норм, регламентирующих высокую степень их защиты, позволяет констатировать, что многое зависит от субъективной оценки правоприменителя. Субъекты оппозиционной деятельности в этом отношении наиболее уязвимы: их права ограничивают в целях обеспечения морали и нравственности в обществе. Анализируется роль судебных органов в разрешении этой коллизии.

Ключевые слова: конституция, права и свободы человека, оппозиционная деятельность, ограничение прав и свобод, судебная защита прав.

Равноправие является важнейшим принципом правового статуса личности, оно провозглашено в Конституции РФ как «равенство всех перед законом и судом». Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В Российской Федерации запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ).

Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ), т. е. адресуются в равной мере всем гражданам России, иностранцам, лицам без гражданства, находящимся на территории Российской Федерации. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Международные правовые акты, провозглашающие права и свободы человека и гражданина, предусматривают возможность и условия их ограничения. Так, в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 года предусматривается, что права и свободы каждого человека должны подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовле-

творения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

В статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (далее — Пакт) [8] закрепляется, что право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в Пакте другими правами. Согласно ст. 19 Пакта права беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их могут быть сопряжены с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Практически аналогичные условия ограничения прав и свобод содержатся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — Конвенция) [5]. На основании п. 2 ст. 10 Конвенции осуществление права на свободу выражать свое мнение может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности,

защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. Статья 11 Конвенции гласит, что осуществление прав на свободу мирных собраний и свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов, не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. При этом норма ст. 11 не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Таким образом, можно выделить и сформулировать основания ограничения прав и свобод человека и гражданина, содержащиеся в международных правовых актах:

- 1) охрана государственной и национальной безопасности и территориальной целостности государства;
- 2) защита репутации, обеспечение должного признания и уважения прав и свобод;
- 3) удовлетворение справедливых требований морали;
- 4) обеспечение общественного порядка и общего благосостояния;
- 5) охрана здоровья и нравственности населения;
- 6) предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально;
- 7) обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия;
- 8) предотвращение беспорядков и преступлений.

Большинство из вышеперечисленных оснований имеют оценочный характер, поскольку в государствах, присоединившихся к международным правовым актам, сложились отличные друг от друга обычаи и традиции, наблюдается религиозный плюрализм. Кроме того, по-разному трактуются нормы морали и нравственности, следовательно, критерии оценки нарушения вышеуказанных оснований ограничения прав и свобод человека и гражданина могут значительно различаться. В этой связи можно предположить, что в одном государстве за нарушение норм морали и нравственности может последовать ограничение прав и свобод человека и гражданина, а в другом аналогичное действие (бездействие) вовсе не будет считаться нарушением.

Практически все это ведет к установлению так называемых двойных стандартов применения международных правовых актов.

Но этим проблема единого правоприменения не исчерпывается. Возникает другой немаловажный вопрос: как определить границы и степень нарушения норм морали и нравственности и что может выступить мерилом объективной истины в вопросах оценки нематериальных благ человека и гражданина?

Особую актуальность разрешение данных вопросов приобретает для граждан и объединений, находящихся в оппозиции к действующей власти, активно отстаивающих интересы, не совпадающие с официальной государственной политикой. Федеральный закон, закрепляющий основные гарантии оппозиционной деятельности, в России до сих пор не принят, и потому наличие в Конституции РФ неоднозначно трактуемых понятий создает для оппозиционеров определенную опасность.

Сопоставляя условия ограничения прав и свобод человека и гражданина, предусмотренные международными правовыми актами, и уголовную ответственность за преступления против государства, можно констатировать, что борьба с инакомыслием, оппозиционной деятельностью может быть «оправдана» достиганием целей обеспечения государственной и национальной безопасности, защитой прав и свобод других граждан, предотвращением разглашения информации, полученной конфиденциально, предотвращением беспорядков и преступлений и прочими задачами.

Аналогичная картина наблюдается при анализе конституций зарубежных государств. Все они предусматривают равенство прав и свобод человека и гражданина, идеологический и политический плюрализм и ни одна не содержит явного ограничения прав и свобод субъектов оппозиционной деятельности. Однако выборочный анализ ряда конституций зарубежных государств показывает, что возможностей для борьбы с инакомыслием у власти более чем достаточно. Практически все конституции представляют собой не что иное, как «минное поле», где в качестве так называемых мин выступают мораль, нравственность и прочие субъективные критерии. Приведем некоторые примеры.

Свобода мысли и слова является основой гласности. Но и гласность общественной и государственной жизни — это залог полного и действительного осуществления людьми свободы мысли и слова [6]. В 2006 году Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин в своем докладе «Закон сильнее власти» отметил, что «проблема обеспечения свободы слова и права граждан на объективную и полную

информацию обо всем, что происходит в стране и мире, порождает противоречивые и порой остро конфликтные тенденции во взаимоотношениях как внутри общества, так и между обществом и государством» [3]. Речь не идет об официальном институте цензуры, тем не менее вполне очевидно, что подобные ограничения имеют место. «Чаще всего они реализуются через механизм экономического давления со стороны властных органов и лояльного к ним бизнеса на средства массовой информации. Широко распространена и практика так называемой самоцензуры, побуждающая журналистов воздерживаться от распространения информации, которая, по их мнению, может не обрадовать власть имущих. В результате повсеместно в стране воспроизводится сюрреалистическая ситуация, при которой право хвалить власть, одобрять ее действия обеспечено реально, а право ее критиковать — во многом лишь формально» [3].

Свобода выражать свои идеи и взгляды как устно, так и письменно без предварительной цензуры и неблагоприятных последствий является одним из самых важных инструментов деятельности представителей оппозиции.

Несмотря на это конституции зарубежных государств предусматривают самые разные возможности ограничения права на свободу слова. Например, свобода выражать свои мнения и мысли может быть ограничена из соображений соблюдения нравственности, охраны общественного здоровья, обороны страны, защиты неприкосновенности парламентариев, охраны общественного (публичного) порядка, территориальной целостности страны, защиты репутации или прав других людей, предотвращения раскрытия доверительно полученной информации, поддержания авторитета и независимости судов (ст. 41 Конституции Мальты, ст. 40 Конституции Лихтенштейна), общественного спокойствия, общественной (социальной) безопасности и порядка (ст. 6 Конституции Доминики), защиты основ демократического строя (ст. 18 Конституции ФРГ).

Сбор, хранение, использование и распространение информации, согласно ст. 34 Конституции Украины, могут быть ограничены в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, с целью предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения, для защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 100 Конституции Норвегии провозглашает, что пресса является свободной, за

исключением случаев, когда лицо сознательно и явно не подчиняется законам, устоям религии, морали или законной власти или отказывается от выполнения приказов или незаконно обвиняет кого-либо или подстрекает к этому окружающих.

В целях охраны морали может быть ограничено право на получение и распространение информации по Конституции Японии (ст. 20).

Право на объединение в политические партии может быть ограничено в целях защиты нравственности, приличия, общественного здоровья, общественного (публичного) порядка и др. (ст. 42 Конституции Мальты). Возможность ограничения права на общественные объединения обосновывается сохранением общественного (публичного) порядка (ст. 8 Конституции Нидерландов), общими (публичными) интересами (ст. 32 Конституции Мальты), защитой основ демократического строя (ст. 18 Конституции ФРГ), обороной страны (ст. 42 Конституции Мальты). Свобода собраний может быть ограничена в целях защиты основ демократического строя (ст. 18 Конституции ФРГ). Избирательные права граждан в некоторых случаях ограничиваются вследствие недостойного поведения (ст. 48 Конституции Италии), а избранию в Фолькетинг Дании может помешать мнение общественности (ч. 1 ст. 30 Конституции Дании).

Конституция РФ также не является исключением: ч. 3 ст. 55 предусмотрены положения об ограничении прав и свобод граждан, аналогичные содержащимся в международных правовых актах. Так, права и свободы могут быть ограничены:

- 1) только федеральным законом;
- 2) в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- 3) только в той мере, в какой это необходимо в указанных целях.

Первое условие вполне определенное: лишь законодатель посредством федерального закона может установить то или иное ограничение прав и свобод граждан. Таким правом не обладают ни федеральное правительство, ни другие институты исполнительной власти, ни субъекты Федерации, учитывая, что регулирование прав и свобод человека и гражданина отнесено Конституцией РФ к ведению Федерации. Среди федеральных законов, которыми установлены конкретные ограничения прав и свобод, можно назвать, например, федеральные законы от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и др. Два других условия

сформулированы в весьма пространной форме, хотя и дают определенный ориентир законодателю. При этом важно обеспечить соразмерность ограничения права или свободы, т. е. его соответствие тем конституционно признаваемым целям, во имя достижения которых устанавливается ограничение, чтобы не исказить само существо того или иного права, не поставить его реализацию в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, затрудняя или исключая судебную правовую защиту граждан и организаций от злоупотреблений. Здесь многое зависит от правильной оценки законодателем сложившейся ситуации, степени опасности, угрожающей основам конституционного строя, нравственности и т. п. Как указал Конституционный Суд РФ, возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией РФ равенства всех перед законом и судом [10].

КС РФ неоднократно обращался к этой проблеме в своих решениях. Он не раз указывал, что законодатель, определяя средства и способы защиты государственных интересов, должен использовать лишь те, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если эти ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод [11].

Европейский суд по правам человека (далее — Европейский суд, ЕСПЧ) непосредственно указал, что многие законы государств неизбежно облечены в термины, которые в большей или меньшей степени являются неясными, в то время как ст. 10 Конвенции оставляет минимальный простор для вводимых государством ограничений на свободу слова по политическим вопросам или на дебаты по вопросам, представляющим общественный интерес. Невозможно найти единообразную концепцию морали и нравственности в правовом и социальном устройстве различных государств-участников. В силу своей прямой и продолжительной связи с жизненными устоями своих стран государственные органы власти

находятся, как правило, в лучшем положении, чем судьи международного суда, чтобы выразить мнение о точном содержании таких норм, как и в отношении необходимости налагаемых в этой связи ограничений или наказаний [12]. При этом, однако, именно Европейский суд правомочен вынести окончательное суждение о соответствии того или иного ограничения свободы выражения мнения положениям Конвенции, и в этом отношении его задача состоит в том, чтобы определить, были ли причины, выдвигаемые государством при введении того или иного ограничения свободы выражения мнения, уместны и достаточны [13].

На современном этапе развития российско-го общества наиболее актуальным является вопрос, связанный с реализацией норм действующей Конституции РФ при рассмотрении дел судами. Важность этого вопроса заключается в том, что конституционно-правовые нормы являются основополагающими, носят учредительный характер. Все прочие нормы права, входящие в отраслевое законодательство, являются производными от конституционных норм. Особенно большое значение имеет конституционное закрепление равенства всех перед судом.

Равенство прав и свобод человека и гражданина означает отсутствие дискриминации граждан независимо от присущих человеку от природы свойств: пола, расы, национальности; от приобретенных черт, характеризующих положение человека в обществе, в том числе языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Данный перечень наиболее распространенных обстоятельств, наличие которых не должно служить основанием для ущемления прав и свобод человека и гражданина, не может быть полным. В Конституции РФ приводятся лишь наиболее распространенные основания, чаще встречающиеся на практике.

Субъекты оппозиционной деятельности при несоблюдении принципа равенства всех перед законом и судом независимо от каких-либо оснований могут составить наибольшую «группу риска» несправедливого судопроизводства при различном толковании и применении конституционных норм.

Сейчас ни для кого не секрет, что независимая по Конституции РФ судебная власть на практике приобрела «зависимость» от товарно-материальных ценностей. Не развивая далее эту тему, отметим, что суд не должен стать дополнительным инструментом борьбы против любого инакомыслия, о чем свидетельствует практика ЕСПЧ.

Так, в 1985 году в ЕСПЧ обратился г-н Кастеллс (Castells) — сенатор Королевства Испания, избранный от оппозиционного политического движения, выступающего за независимость Страны Басков [14]. Кастеллс опубликовал статью, в которой привлек внимание общественного мнения к убийствам и нападениям, совершенным вооруженными группировками против баскских граждан. Он утверждал, что эти группировки орудовали при полной безнаказанности, поскольку за ними стояли правительство и правящая партия. Органы прокуратуры Испании возбудили против Кастеллса уголовное преследование. Он был лишен парламентского иммунитета, а 7 июля 1981 г. ему было предъявлено обвинение в оскорблении правительства. Тридцать первого октября 1983 г. Палата по уголовным делам Верховного суда Испании признала заявителя виновным и приговорила его к одному году тюремного заключения. Суд отказался допустить доказательства, которые защита просила приобщить к делу, чтобы показать, что содержащаяся в статье информация была общеизвестной и соответствовала действительности. Десятого апреля 1985 г. Конституционный суд Испании отклонил жалобу г-на Кастеллса, поданную 22 ноября 1983 г. в процедуре ампаро. Однако исполнение приговора было приостановлено.

В своей жалобе в ЕСПЧ г-н Кастеллс заявлял, что стал жертвой нарушения права на свободу слова, в том виде как она гарантирована ст. 10 Конвенции, которая гласит: «Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ...».

Правительство Испании подчеркивало, что свобода слова не является абсолютной; она налагает «обязанности и ответственность», и г-н Кастеллс преступил обычные границы политической дискуссии, оскорбил демократическое правительство, способствуя дестабилизации в критический для Испании период, а именно вскоре после принятия Конституции, когда группы разной ориентации равно прибегают к насилию.

ЕСПЧ напомнил, что свобода слова, закрепленная в п. 1 ст. 10 Конвенции, составляет одну из важнейших опор демократического общества и одно из главных условий его прогресса. При соблюдении требований п. 2 ст. 10 она применима не только к «информации» или «идеям», которые встречаются благосклонно или рассматриваются как безобидные либо безразличные, но и в отношении тех, которые

задевают, шокируют или беспокоят. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет демократического общества [13; 15].

Свобода слова важна для всех, но это особенно справедливо, когда речь идет о выборных представителях народа. Они представляют свой электорат, привлекают внимание к его заботам и отстаивают его интересы. Следовательно, вмешательство в осуществление свободы слова члена парламента от оппозиции, каковым является заявитель, требует самого пристального внимания со стороны Европейского суда.

Свобода печати предоставляет для граждан один из самых совершенных способов открывать для себя и вырабатывать мнение о взглядах и позиции своих политических лидеров. В частности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что заботит общественное мнение, позволяет участвовать в свободной политической дискуссии каждому, что является стержнем понятия демократического общества [16].

Свобода политической дискуссии, несомненно, не является абсолютной по своей природе. Государства-участники могут подвергать ее определенным ограничениям или санкциям, но ЕСПЧ принадлежит право выносить окончательное решение о совместимости этих мер со свободой слова, воплощенной в ст. 10 Конвенции. Пределы допустимой критики в отношении правительства шире, чем в отношении рядового гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или упущения правительства должны стать предметом пристального внимания не только законодательных и судебных властей, но также прессы и общественного мнения. Более того, доминирующее положение, которое занимает правительство, делает необходимым, чтобы оно демонстрировало сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки его противников или средств массовой информации.

Достоверность многих из этих утверждений поддавалась проверке, а г-н Кастеллс обоснованно мог рассчитывать, что ему дадут возможность доказать свою добросовестность. ЕСПЧ заключил, что невозможно судить, каков был бы результат разбирательства, если бы Верховный суд Испании согласился допустить доказательства, которые заявитель хотел приобщить к делу, но ЕСПЧ придает решающее значение тому обстоятельству, что Верховный суд Испании объявил такие доказательства неприемлемыми применительно к рассматриваемому преступлению. Европейский суд счел,

что такое вмешательство в осуществление свободы слова заявителя не было необходимым в демократическом обществе.

По этим основаниям ЕСПЧ единогласно постановил, что имело место нарушение ст. 10 Конвенции и Королевство Испания должно выплатить заявителю в течение 3 месяцев 3 млн песет за издержки и расходы. ЕСПЧ в своем решении отметил, что данное решение само по себе представляет достаточное справедливое удовлетворение предполагаемого морального вреда в целях ст. 50 Конвенции.

Равенство избирательных прав. Согласно п. 1 ст. 10 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» «вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность политических партий, равно как и вмешательство политических партий в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается».

Запрет на вмешательство политических партий в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц вытекает из ст. 3 Конституции РФ, согласно которой единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ и никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Эта норма направлена на то, чтобы оградить органы исполнительной, законодательной и судебной власти, призванные выражать общенародные интересы, от давления со стороны партий, выражающих политические интересы отдельных социальных слоев. Вмешательство политических партий в деятельность государственных органов и должностных лиц следует расценивать как смешение государственных и общественных функций, которое чревато присвоением партиями властных полномочий. Запрет на вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность политических партий должен служить гарантией реализации конституционных положений о многопартийности, свободе деятельности политических партий, их равенстве перед законом [7].

Двенадцатого сентября 2006 г. Верховный Суд РФ отменил решение Свердловского областного суда об отказе в регистрации Российской партии жизни (РПЖ) на выборах в областную Думу 8 октября 2006 г. Поддержку в пользу принятия данного решения выразили Генеральная прокуратура РФ и Центральная избирательная комиссия РФ. Поводом для отказа оппозиционной партии в регистрации, подтвержденного затем решением областного суда, стало заключение Федеральной регистрационной службы (ФРС) по Свердловской области, которая посчитала, что список РПЖ был

сформирован с нарушением законодательства. ФРС пришла к выводу, что совет регионального отделения РПЖ не имел права созывать партконференцию для формирования списка кандидатов, а должен был провести общее собрание членов РПЖ, зарегистрированных на территории области, поскольку местные партийки к тому моменту еще не были созданы. Данную позицию отстаивал в процессе рассмотрения дела в ВС РФ представитель областной избирательной комиссии.

Представитель РПЖ показал, что избирком и областной суд принимали решение об отказе в регистрации на основании филологической неточности. Так, в протоколе заседания совета отделения от 10 мая 2006 г. появилась «некорректная формулировка»: в нем говорилось не о создании 12 местных отделений, а о решении провести собрания по их созданию. Формулировка была исправлена на заседании совета 24 июля 2006 г. и, следовательно, партконференция являлась легитимной.

В процессе рассмотрения жалобы советник правового управления ЦИК РФ поставил под сомнение заключение ФРС и сделанные на его основе облизбиркомом и судом выводы. Он подчеркнул, что выводы ФРС «не имеют юридической силы» для избиркомов и свердловская комиссия не должна была затевать проверку деталей проведения партконференции, не имея соответствующих жалоб.

В заключении Генеральной прокуратуры РФ содержался вывод о том, что даже без учета поправок от 24 июля 2006 г. очевидно, что конференция РПЖ была правомочной.

Данный инцидент вызвал неоднозначное к себе отношение как со стороны РПЖ, так и участников избирательного процесса, некоторые из которых склоняются к тому, что «все было спланированной пиар-акцией и выглядит как хорошая раскрутка». Сами представители РПЖ не отрицают того факта, что «многие жители области даже не подозревали о существовании партии, так что ситуация, когда оппоненты противодействуют, фактически популяризирует партию».

Свидетельством факта нарушения избирательных прав гражданина по причине оппозиционной деятельности явилось решение ЕСПЧ от 19.07.2007 по иску экс-генерального прокурора РФ Ю.И. Скуратова о признании незаконным отказа в его регистрации кандидатом в депутаты Государственной Думы на выборах 2003 года.

Юрий Скуратов в 2003 году был выдвинут в Государственную Думу от Коммунистической партии РФ по федеральному партийному списку и по Бурятскому одномандатному округу. Однако республиканский избирком отказал

ему в регистрации, сославшись на «неполные сведения о занимаемой должности, ненадлежащее оформление подтверждения принадлежности в КПРФ и ненадлежащее заверение копий диплома о высшем образовании и диплома доктора юридических наук». В частности, Ю.И. Скуратову вменялось то, что в качестве своей должности в университете он указал «и.о. зав. кафедрой конституционного права Государственного социального университета», но не указал, что является еще и профессором этого университета.

Изучив все обстоятельства дела, ЕСПЧ пришел к выводу, что решение об отказе Ю.И. Скуратову в регистрации «не было основано на важных и достаточных причинах и находится в разладе с неоспоримыми фактами». «Ничто не свидетельствует о том, что господин Скуратов действовал со злым умыслом», — подчеркивается в решении Европейского суда. В связи с этим ЕСПЧ признал нарушение Россией ст. 3 Протокола № 1 Конвенции, требующей «проводить свободные выборы в условиях, которые обеспечат свободное волеизъявление народа». Согласно решению ЕСПЧ Российская Федерация должна выплатить Ю.И. Скуратову 8 тыс. долларов компенсации и возместить судебные издержки в размере 12 тыс. долларов.

Военная оппозиция. Пятигорским городским судом Ставропольского края 5 февраля 2001 г. было рассмотрено дело Асламбековых. Заявители — этнические чеченцы — обратились в миграционную службу Ставропольского края с просьбой признать их вынужденными переселенцами. Миграционная служба отказала в регистрации ходатайства о признании их вынужденными переселенцами в соответствии с п. 1 ст. 1 Закона РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (далее — Закон о вынужденных переселенцах) по мотиву отсутствия факта преследования.

Суд счел жалобу подлежащей удовлетворению, установив, что семья Асламбековых преследовалась незаконными вооруженными формированиями в связи с тем, что не поддерживала существующий незаконный режим, а также по причине того, что Асламбеков служил в звании подполковника в российских войсках и возглавлял военную оппозицию для свержения реакционного режима Дудаева и Масхадова. Участие в оппозиции принимал под псевдонимом. Когда его имя стало известно, в адрес семьи начали поступать угрозы. В деле имеется справка Федеральной службы безопасности, подтверждающая вышеуказанные обстоятельства. Суд определил, что семья Асламбековых преследовалась именно по политическим убеждениям, а значит, она имеет право на получение статуса вынужден-

ного переселенца в соответствии с Законом о вынужденных переселенцах [9].

Подводя итог, необходимо отметить: несмотря на кажущееся конституционное равенство граждан и право свободно выражать свое мнение, в том числе оппозиционное, это право может быть ограничено в целях защиты морали, нравственности общества и иных субъективных категорий. Нельзя не учитывать, что представления о плохом и хорошем, добре и зле у людей разные. Судья, выносящий решение, опирающееся на нормы морали и нравственности, должен обладать безупречными человеческими качествами.

Список литературы

1. Байтин М.И., Аверин А.В. Некоторые вопросы процессуального положения потерпевшего и подсудимого по УПК РФ и защита прав человека // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 66—78.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. 1998. 10 дек.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год // Российская газета. 2007. 13 апр.
4. Иванов А.А. Российская правовая наука рубежа XIX—XX веков и формирование личностного подхода в наказании // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 125—133.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
6. Конституционное право России: учеб. / отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007.
7. Ланаева В.В. Закон о политических партиях: вопросы взаимодействия партий с государством // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 14—22.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol
9. Обзор положения внутренне перемещенных лиц // Гражданин и право. 2003. № 3, 4.
10. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой: постановление КС РФ от 25.04.1995 № 3-П // Российская газета. 1995. 5 мая.
11. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002.
12. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.05.1988 № 133 по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» // Бюллетень конституционного правосудия Венецианской комиссии ЕС. URL: http://www.venice.coe.int/Files/Bulletin/Special_Bulletin_Leading_Cases_ECHR_RUS.pdf
13. Решение Европейского суда по правам человека от 07.12.1976 по делу «Хэндисайд против

Соединенного Королевства». URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Handyside_v_the_United_Kingdom_07_12_1976.pdf

14. Решение Европейского суда по правам человека от 23.04.1992 по делу «Кастеллс против Испании». URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461482/2461482.htm>

15. Решение Европейского суда по правам человека от 26.11.1991 по делу «"Обсервер" и "Гардиан" против Великобритании» // Сборник постановлений и решений ЕСПЧ. Серия А. Т. 216. С. 30.

16. Решение Европейского суда по правам человека от 08.07.1986 по делу «Лингенс против Австрии» // Сборник постановлений и решений ЕСПЧ. Серия А. Т. 103. С. 26.

17. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР от 20.07.1918 № 51 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Baitin M.I., Averin A.V. Nekotorye voprosy protsessual'nogo polozheniia poterpevshego i podsudimogo po UPK RF i zashchita prav cheloveka // Zhurnal rossiiskogo prava. 2004. № 12. S. 66—78.

2. Vseobshchaia deklaratsiia prav cheloveka: priniata rezoliutsiei 217A (III) General'noi Assamblei OON ot 10.12.1948 // Rossiiskaia gazeta. 1998. 10 dek.

3. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2006 god // Rossiiskaia gazeta. 2007. 13 apr.

4. Ivanov A.A. Rossiiskaia pravovaia nauka rubezha XIX—XX vekov i formirovanie lichnostnogo podkhoda v nakazanii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2005. № 5. S. 125—133.

5. Konventsiia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ETS № 005 (Rim, 4 noiabria 1950 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 2. St. 163.

6. Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. / otv. red. A.N. Kokotov i M.I. Kukushkin. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2007.

7. Lapaeva V.V. Zakon o politicheskikh partiiakh: voprosy vzaimodeistviia partii s gosudarstvom // Zhurnal rossiiskogo prava. 2002. № 4. S. 14—22.

8. Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: priniat rezoliutsiei 2200A (XXI) General'noi Assamblei OON ot 16.12.1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol

9. Obzor polozheniia vnutrenne peremeshchennykh lits // Grazhdanin i pravo. 2003. № 3, 4.

10. Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei pervoi i vtoroi stat'i 54 Zhilishchnogo kodeksa RSFSR v sviazi s zhaloboi grazhdanki L.N. Sitalovoi: postanovlenie KS RF ot 25.04.1995 № 3-P // Rossiiskaia gazeta. 1995. 5 maia.

11. Postateinyi kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii / pod obshch. red. V.D. Karpovicha. M.: Iurait-M; Novaia pravovaia kul'tura, 2002.

12. Postanovlenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 24.05.1988 № 133 po delu «Miuller i drugie protiv Shveitsarii» // Biulleten' konstitutsionnogo pravosudiia Venetsianskoi komissii ES. URL: http://www.venice.coe.int/Files/Bulletin/Special_Bulletin_Leading_Cases_ECHR_RUS.pdf

13. Reshenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 07.12.1976 po delu «Khendisaid protiv Soedinennogo Korolevstva». URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Handyside_v_the_United_Kingdom_07_12_1976.pdf

14. Reshenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 23.04.1992 po delu «Kastells protiv Ispanii». URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461482/2461482.htm>

15. Reshenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 26.11.1991 po delu «"Observer" i "Gardian" protiv Velikobritanii» // Sbornik postanovlenii i reshenii ESPCh. Serii A. T. 216. S. 30.

16. Reshenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 08.07.1986 po delu «Lingens protiv Avstrii» // Sbornik postanovlenii i reshenii ESPCh. Serii A. T. 103. S. 26.

17. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Rabocheho i Krest'ianskogo Pravitel'stva RSFSR ot 20.07.1918 № 51 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlius».

Judicial Protection of Constitutional Rights of Subjects of Opposition Activities in Russia and Abroad

Natalia V. Kuz'minykh,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept. of Constitutional and International Law
at Russian State Social University
Russia, Moscow
ombuds@yandex.ru

Constitutions of substantially all foreign countries consider human and civil rights and freedoms as the dominant principle of the rule of law. At the same time, the legal analysis of constitutional rules regulating the high degree of these rights protection, allows us to conclude that much depends on subjective assessment of law enforcer. Subjects of opposition activities in this regard are the most vulnerable: their rights are restricted in order to ensure morality and ethics in the society. The role of judicial authorities in resolving this conflict is analyzed.

Keywords: constitution, human rights and freedoms, opposition activities, restriction of rights and freedoms, judicial protection of rights.